

УДК 341.38

DOI 10.25688/2076-9113.2018.32.4.08

**М.И. Лавицкая,
Т.А. Кулакова**

Милитаризация международной среды после украинского кризиса и ее последствия для внешней политики России

В статье раскрывается инструментальное видение процесса милитаризации международной среды после украинского кризиса и ее последствия для внешней политики России, обосновывается методологическое различие между инструментальным и абсолютным подходами к роли процесса милитаризации в международной политике. Авторами сделан вывод, что нынешний виток милитаризации международной среды является прямым следствием повышения конфликтности международной системы и проекции конфликтной логики сначала на функциональные сферы взаимодействия, а затем и на военно-политическую плоскость, что несет в себе для России риск снижения эффективности применения ее традиционного внешнеполитического инструментария.

Ключевые слова: милитаризация; абсолютный подход; инструментальный подход; международные отношения; мягкая сила; внешняя политика РФ; украинский кризис.

За почти четыре года после возникновения и расширения украинского кризиса произошло заметное возрастание роли военной силы в международных отношениях. Военные средства все чаще используются как для достижения конкретных практических целей, так и в качестве рычага давления на другие государства, политической угрозы или инструмента шантажа. Это позволяет говорить о новой волне милитаризации международной среды, особенно той, в которой оперирует российская внешняя политика.

Положение нашей страны усугубляется тем, что в западной политической риторике ей приписывается роль инициатора этой (ре)милитаризации мировой политики, а путь к снижению военных рисков и угроз увязывается исключительно с подавлением «имперских амбиций» России и других «ревизионистских держав». В подобном дискурсе политика РФ предстает в качестве главного вызова современному международному порядку [11], ответом на который якобы и является усиление военного потенциала и расширение военного присутствия стран Запада.

Сочетание милитаризации международной среды и целенаправленной делегитимации России как игрока на международной арене серьезно усложняет решение задач ее внешней и внутренней политики. Возникает своего рода замкнутый круг, когда Российская Федерация вынуждена прибегать к укреплению своих позиций с помощью военной силы, идя в русле общей тенденции

к милитаризации международных отношений, но каждый ее шаг в этом направлении, даже если он носит сугубо оборонительный характер, неизменно воспринимается как свидетельство «агрессивных планов» или «ревизионистских стремлений» нашей страны. Более того, западный дискурс о России как главном ревизионисте, стремящемся подорвать существующий международный порядок, привел к тому, что любые ее действия в международной системе, даже не связанные с применением военной силы, априори рассматриваются как враждебные и требующие силового ответа. На подобный навязываемый России имидж работает и насаждаемый Западом концепт гибридной войны, представляющий все те средства, которые использует российская дипломатия, в том числе экономические, энергетические и информационные, как «оружие гибридной войны России против Запада» [8].

В данной статье мы попробуем оценить предпосылки, факторы и причины милитаризации международных отношений в последние годы и рассмотреть ее последствия для внешней политики России. В российской науке феномен милитаризации продолжает рассматриваться главным образом применительно к отдельным практическим направлениям общественной жизни или геополитическим пространствам, в особенности к тем, которые до сих пор оставались за рамками военного освоения. Однако теоретическое осмысление этого феномена остается недостаточным и во многом сохраняет отпечаток устаревших марксистских представлений.

Ключевым противоречием в исследовании милитаризации выступает противоречие между абсолютным и инструментальным подходами к роли этого процесса в международной политике, которое можно трактовать как разность методологических подходов. Сторонники абсолютного подхода склонны рассматривать милитаризацию как процесс подчинения политической стратегии государства задачам военного планирования или внешней военной экспансии, в результате чего развитие международной системы диктуется преимущественно военными факторами. Тогда как приверженцы инструментального подхода представляют милитаризацию как процесс количественного расширения и качественной значимости военной силы как инструмента политики государства в силу специфики тех задач, которые данному государству приходится решать на международной арене. Для них милитаризация является следствием политической траектории развития международной системы, а не причиной. В данной статье мы попытаемся представить инструментальное видение процесса милитаризации, показав, как его эволюция в постбиполярном мире была скорее подчинена политическим установкам и задачам государств, нежели диктовала их.

Процесс милитаризации международной системы развернулся задолго до украинского кризиса. Как уже не раз отмечали отечественные исследователи, окончание холодной войны и распад СССР были восприняты странами Запада как результат эффективного военно-силового давления с их стороны, что оправдывало в их глазах такое давление, как метод решения внешнеполитических задач. Этот результат породил у Запада восприятие своего либерального

политического порядка как модели для организации глобального политического пространства и собственной идеологической позиции как единственного морального авторитета в постбиполярном мире. В рамках западного мышления либеральный миропорядок, якобы основанный на комплексной функциональной взаимозависимости обществ, а потому преодолевающий дилемму безопасности государств и конфликтность в международных отношениях, превратился в абсолютную самоценность, превалирующую над традиционными категориями мировой политики, такими как государственный суверенитет, взаимное уважение интересов, стабильность, кооперативность и баланс сил. Защита и продвижение либерального миропорядка стала основным предлогом и оправданием применения военной силы Западом в условиях постбиполярной системы международных отношений [9].

Отсутствие сил, готовых не только оказывать силовое сдерживание этого процесса, но и ставить под сомнение его легитимность, создало у США и их сателлитов иллюзию «развязанных рук» и радикально снизило порог применения военной силы для решения собственных геополитических задач. Однако эта иллюзия в итоге привела к кризису внутри самого западного сообщества, когда администрация Дж. Буша — младшего вознамерилась начать операцию в Ираке в обход даже тех процедур и институтов, которые являлись базовыми для евроатлантического либерального порядка.

Тем не менее милитаризация международной среды до 2014 года носила несколько вторичный, вспомогательный характер, производный от тех политических процессов, которые происходили в Европе и в мире. Ее самостоятельная роль была ограничена в силу ряда причин.

Во-первых, основные геополитические сдвиги в постбиполярной системе были произведены без прямого применения военной силы, с помощью иных, невоенных инструментов влияния. Расширение НАТО и Европейского союза (далее — ЕС), вне сомнений, центральное достижение западного сообщества после окончания холодной войны — стало возможным благодаря политическому компромиссу с Москвой, снявшей свои возражения против этого процесса в обмен на ряд договоренностей, впоследствии так и не оправдавших себя. Когда же дело доходило до одностороннего использования военной силы Западом, как в случае бывшей Югославии, Российская Федерация, хоть и выдвигала громкие возражения, не оказывала серьезного непосредственного противодействия, ограничиваясь максимум блокированием проектов решений, легитимизирующих такое использование, в доступных для нее международных организациях. Первым случаем реального силового ответа России на продвижение западной сферы влияния стал конфликт с Грузией в 2008 году, из которой Запад сделал вывод о том, что попытки осуществить геополитический сдвиг в пространстве СНГ прямым военно-силовым путем будут встречать силовое сопротивление РФ, и вернулся к непрямым политическим и нормативным методам конкуренции.

Во-вторых, базовые параметры военно-политического баланса между РФ и Западом, та основа континентальной системы безопасности в Европе,

которая была сформирована на этапе окончания холодной войны и налагала ряд ограничений на военные потенциалы сторон и их практическое применение, до украинского кризиса формально сохраняла свое действие, хотя и подвергалась с течением времени некоторой эрозии.

В-третьих, в западном сообществе дискурс о безопасности был долгое время сфокусирован на нетрадиционных негосударственных угрозах, а также вызовах, исходящих от недееспособности государственного управления в некоторых кризисных странах (failed states). Подъем международного терроризма, рост наркотрафика, экологических угроз, миграционных рисков рассматривались как процессы, требующие комплексного ответа, а не только усиления военных структур.

И, в-четвертых, существенным препятствием на пути милитаризации западного сообщества выступало стремление Соединенных Штатов сохранить собственное доминирующее положение в его структуре, которое во многом обеспечилось (и продолжает обеспечиваться) их преимуществами в области военных ресурсов. Вашингтон намеренно демпфировал все попытки европейских структур создать собственные военные механизмы и взять на себя хотя бы часть ответственности за обеспечение общей обороны. При этом почти полвека США высказывают недовольство тем, что европейские союзники имеют слишком скромные военные бюджеты, то есть слишком мало тратят на оплату американской военной защиты, но пресекают любые попытки снижения такой защиты и продвижения европейской стратегической автономии. С этой точки зрения США необходимо поддерживать такой военно-политический баланс в Европе, который бы лишал их европейских союзников мотивации к укреплению собственных военных потенциалов.

Распространение влияния Запада «мягкими» — нормативными, экономическими и информационными — методами без формального слома существующего военно-политического баланса стало универсальным рецептом западной политической экспансии, который европейские лидеры, поддерживаемые администрацией Барака Обамы, намеревались успешно применить и к так называемому пространству общего соседства с РФ — странам, включенным в программу ЕС «Восточное партнерство».

Тем не менее уже на этом этапе были заложены предпосылки, которые привели к новой волне милитаризации международной системы в 2014 году и обвинению виновной в этом нашей страны.

Прежде всего, абсолютизация либерального порядка в западном политическом мышлении означала переход к рассмотрению отношений с другими державами не в политических, а в нормативных категориях. Западные институты выработали круг (постоянно расширяющийся) так называемых базовых ценностей, в отношении которых они не готовы идти на компромиссы с внешними контрагентами. На практике это оборачивается тем, что любой процесс или направление политики, которому в западном общественном мнении придается ценностный аспект, выводится за пределы политического торга и превращается в подобие того абсолюта, в отношении которого никакой

компромисс невозможен, а возможно только полное и безусловное принятие. Если добавить к этому еще и немаловажный статусный аспект, когда принятие западных ценностей другими обществами напрямую увязывается со статусом Запада как морального авторитета и политического лидера глобальной системы, то мы получим примерную картину того, как и почему продвижение либерального миропорядка со стороны Запада приводит к снижению общей кооперативности международной системы и повышению ее конфликтогенности.

Когда сама возможность компромисса с другим государством по каким-либо вопросам отрицается ввиду их якобы ценностного характера, взаимодействие автоматически приобретает конфликтный характер, а меры силового давления или даже принуждения такого государства к принятию собственной ценностной, нормативной позиции получают дополнительную легитимизацию. Тем более что такой ценностный характер зачастую легко создается благодаря дискурсивному конструированию в СМИ. Такой подход расширяет поле для потенциального конфликта, а конфликт неизбежно облегчает милитаризацию, поскольку создает иллюзию угрозы, для нейтрализации которой позволительно и даже необходимо задействовать любые меры, включая военные.

Таким образом, стратегия продвижения либерального миропорядка, реализуемая Западом в постбиполярной системе международных отношений, несет в себе немалый конфликтный потенциал, который рано или поздно должен был проявить себя в полной мере и привести к новому витку поляризации системы.

То, что этот потенциал реализовался в отношениях именно с нашей страной, тоже не является неожиданностью. Со времени операции НАТО в Сербии Россия выступала наиболее последовательным критиком западной либерально-нормативной стратегии и препятствовала ее реализации на уровне ООН и других доступных международных площадок. Россия возглавила моральную оппозицию западному курсу, поэтому задолго до украинских событий приобрела образ бунтаря и нормативного ревизиониста. Только некоторые западные аналитики обращали внимание на то, что российские аргументы нацелены не столько на изменение нормативной базы либерального миропорядка, сколько на получение права участвовать в процессе ее применения [13]: Российская Федерация оспаривала не либеральный порядок как таковой, а только свою роль в его механизме принятия решений. Однако для большинства наблюдателей, даже в академической среде, этого оказалось достаточно, чтобы расценить Россию как вызов либеральному порядку и присвоить ей образ «реваншистской силы» в международной системе [6].

Немалую роль в подтверждении этого образа сыграл конфликт на Кавказе в августе 2008 года. Отражение нападения грузинских войск на Цхинвали и последующее признание Россией независимости Абхазии и Южной Осетии было воспринято Западом как ответ России на решение Бухарестского саммита НАТО, в котором признавалось право Грузии и Украины когда-нибудь получить членство в Альянсе. И хотя этот кризис дал импульс новому раунду дискуссий об архитектуре европейской безопасности (оказавшегося, впрочем,

не слишком продуктивным), он способствовал укреплению имиджа России как государства, опирающегося на жесткую силу и допускающего ее применение в конфликтах с соседями.

Еще одним результатом этого конфликта стало усиление конкуренции за влияние в Восточной Европе между ЕС и РФ. Запуск программы «Восточное партнерство» в 2009 году происходил во многом под давлением обстоятельств «пятидневной войны» и растущего в Евросоюзе осознания опасности замороженных, но тлеющих в СНГ конфликтов для безопасности на континенте и необходимости усиления политического влияния ЕС в пространстве «общего соседства». «Восточное партнерство», как уже говорилось, стало механизмом западной политической экспансии на это пространство с помощью «мягких», нормативных и экономических инструментов воздействия на местные элиты стран — участниц программы «Восточное партнерство».

В ходе этой конкуренции общим местом в публичной риторике европейских лидеров и даже в академической литературе стало противопоставление «жесткой силы» России «мягкой», трансформативной силе ЕС [12]. Образ агрессивной и склонной к военному принуждению в отношениях с соседями Российской Федерации противопоставлялся позитивному образу «правильного, но слабого» Евросоюза, который уважает выбор своих соседей и не готов оказывать на них прямое давление ради политических целей. На самом деле, если РФ, не имея серьезного аттрактивного потенциала, вынуждена ради сохранения остаточного геополитического влияния манипулировать локальными конфликтами и подкупать местные элиты, то ЕС создает возможности для внутренней трансформации, модернизации и европеизации соседних стран, изменения их ценностной ориентации и укрепления благосостояния их граждан. Эта искусственная дихотомия создает соответствующие ожидания и поведенческие стереотипы.

Использование подобного негативного образа России в ходе политической конкуренции в Восточной Европе было облегчено тем обстоятельством, что в самой России сохранялось представление о «жесткой» военной силе как о своем главном преимуществе на международной арене, в то время как инструментарий «мягкой силы» был крайне скупо задействован на практическом уровне российской внешней политики как таковой, а на теоретическом уровне ряд исследователей, осмысляя его, воспринимали его весьма критически [2].

Можно с уверенностью констатировать, что, пытаясь составить конкуренцию Евросоюзу в экономической и нормативной плоскостях с помощью проектов Таможенного, а затем и Евразийского экономического союза, Российская Федерация не использовала должным образом свои объективно немалые социокультурные ресурсы для мобилизации общественной поддержки в странах программы «Восточное партнерство». Недооценка и пренебрежение своей «мягкой» силой не оставили России иных вариантов в условиях подлинного политического кризиса в Восточной Европе, кроме применения «жесткой» военной силы. Но это применение, его конкретные формы (военские подразделения без опознавательных знаков) и результаты (возвращение

Крыма), даже в условиях незавершенности процесса юридического оформления присоединения к РФ новой территории¹, тем не менее подтвердили уже сформировавшийся на Западе негативный образ России как угрозы, которую необходимо сдерживать.

В рамках рассмотрения предпосылок нынешнего этапа милитаризации международной среды следует также упомянуть события так называемой арабской весны, приведшие к дестабилизации региона Ближнего Востока и погружению его части в кровопролитную гражданскую войну, и «поворот в Азию» администрации Барака Обамы, объявленный в 2011 году. Дестабилизация в ряде стран Ближнего Востока сопровождалась новым всплеском западного интервенционизма, инициативу в котором на этот раз проявили некоторые европейские государства. Но, самое главное, она привела к возникновению ряда острых политических конфликтов, практически не имеющих невоенного решения, и появлению нескольких радикальных группировок, сокращение которых требовало задействования военных средств. Тогда как «поворот в Азию» означал среди прочего, усиление военного присутствия США в Азиатско-Тихоокеанском регионе и укрепление военного сотрудничества Вашингтона со своими традиционными союзниками в Азии.

Таким образом, отношение к России как к вызову либеральному миропорядку сформировалось на Западе еще до украинского кризиса 2014 года, а попытки сокращения взаимодействия с РФ в ряде конкретных практических сфер (в первую очередь в энергетической сфере [10]) под тем предлогом, что они будто бы используются Россией для продвижения своих политических целей, имеют начало примерно за пять лет до этого [5]. Но украинский кризис и последующие события в Крыму и на Донбассе перевели модальность взаимодействия России с Западом из негласной конкуренции за влияние в формат прямой военной конфронтации. Проекция конфликтной логики из политической плоскости на функциональные сферы взаимодействия и их нормативное регулирование (в чем и заключался изначальный смысл

---

¹ Имеется в виду, что большинство международных соглашений России и Украины по-прежнему являются действующими, не денонсированными, в том числе «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной» 1997 года, с упоминанием там отношений, основанных «на взаимном уважении и доверии, стратегическом партнерстве и сотрудничестве» (ст. 1) и принципа взаимного признания территориальной целостности обоих государств (ст. 2), «Договор между Российской Федерацией и Украиной о российско-украинской государственной границе» 2003 года, по которому Республика Крым и город Севастополь являются частью Украины. Таким образом, в международно-правовом поле есть действующие документы, прямо противоречащие ст. 65 Конституции РФ, Федеральному конституционному закону от 21.03.2014 № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя», Федеральному закону от 21.03.2014 № 36-ФЗ «О ратификации Договора между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов» и правовой позиции Конституционного суда РФ, изложенной в Постановлении от 19.03.2014 № 6-П.

программы «Восточное партнерство») закономерно привели к нивелированию сохранявшихся до этого кооперативных импульсов и подчинению всего комплекса отношений общему конфликтному вектору, который легитимизировал расширение конфликтного инструментария на милитарный и парамилитарный арсенал средств воздействия. Вследствие этого, как отметили Д.Л. Цыбаков и В.В. Моисеев, грань между военными и невоенными формами политической борьбы оказалась практически размытой [3: с. 166].

Добившись с помощью вооруженного переворота прихода к власти в Киеве радикальной националистической клики, Запад открыл путь к изменению военно-политического баланса в Восточной Европе и на европейском континенте в целом. И хотя западная пропаганда делает упор на то, что такое изменение на момент совершения переворота по факту еще не произошло, а потому возражения и опасения России якобы не имели под собой оснований, в глазах российской стороны угроза подобного развития событий в результате переворота на Украине перешла из разряда гипотетических в разряд вероятных, что оправдывало упредительное применение военных инструментов. В целом реакция России на эти события оказалась довольно умеренной, если сравнивать с масштабом вызова, но она послужила формальным основанием для открытой милитаризации Запада, а вслед за ней — и милитаризации международной среды в целом.

Этот новый раунд милитаризации отличается от предшествующих тенденций не только своим масштабом, но и политическими параметрами. Прежде всего, он направляется уже не представлением о точечных, локальных угрозах «свободному миру» от негосударственных акторов, а образом тотальной угрозы от конкретного государства-противника, причем мотивированного не своими объективными геополитическими интересами, а якобы неприятием либерального миропорядка в целом и иррациональным стремлением подорвать его. На Россию был полностью спроецирован тот образ «врага свободного мира», который до этого приписывался международному терроризму.

При этом данное государство-противник рассматривается как достаточно сильное, чтобы представлять подобную тотальную угрозу (и, что важно, не только и не столько классическую военную внешнюю угрозу, сколько угрозу изнутри, связанную с проникновением в западные общества и оказанием на них деструктивного влияния благодаря собственным «уязвимостям» или недочетам либерального строя), но недостаточно устойчивое, чтобы с ним нужно было непременно искать компромисс [1]. Память о том, каким образом была закончена холодная война, а также нынешние ограничения и слабости российского государства дают западным русофобам основания полагать, что с Россией нет необходимости искать политический компромисс, а нужно только довести ее до того состояния, когда она сама пойдет на все желаемые Западом уступки в силу внутренней неспособности продолжать «гибридную войну».

Перечисленное выше означает, что на современном этапе у западного мышления нет никаких весомых «ограничителей» милитаризации — ни опасения вызвать своими действиями чрезмерную ответную реакцию РФ, ни понимания

ненужности излишне затратных мер в ситуации, когда нейтрализации воображаемой угрозы вполне можно добиться с помощью прямых переговоров, ни представления о «красных линиях» России, ненарушение которых позволит избежать нежелательной эскалации напряженности.

Новый виток милитаризации международной среды проявляется в ряде процессов и тенденций, которые в совокупности представляют серьезный сдвиг в сторону разбалансирования и дестабилизации международной системы, а также эрозии тех правил и норм, которые регулировали межгосударственные отношения после Второй мировой войны.

Во-первых, это активизация многих до того тлеющих или замороженных конфликтов, в том числе по периметру границ РФ. На фоне перманентных военных действий на Донбассе происходит наращивание давления на Приднестровье, регулярные провокации и нагнетание напряженности вокруг Крыма, полноценная, хоть и кратковременная эскалация Нагорно-Карабахского конфликта. Российские политические гарантии или даже военное присутствие больше не являются универсальными сдерживающими факторами, определяющими военный баланс, даже на локальном уровне. Пока что это не привело к коренному изменению status quo, но значительно повысило такую вероятность. В этом плане украинский кризис сыграл роль, обратную кризису 2008 года на Кавказе: если тогда жесткий отпор РФ показал, что она не допустит силового нарушения баланса в своем ближнем зарубежье, то после событий в Киеве и на Донбассе стало понятно, что при определенных обстоятельствах, в частности при усилении давления Запада, такое нарушение может быть принято Россией постфактум.

Во-вторых, это существенное расширение военной инфраструктуры НАТО и военного присутствия США в Европе, в том числе в приграничных с РФ районах. Решения Варшавского саммита НАТО на фоне отказа от обсуждения обязательств по Основополагающему акту Россия – НАТО, но при номинальном сохранении этого документа в силе, ознаменовали переход Запада к открытой милитаризации Центрально-Восточной Европы, Балтийского и Черноморского регионов. Если добавить к этому новую волну расширения НАТО с включением Балканских стран (нередко сопровождающимся публичными антироссийскими выпадами, как это было в Черногории), а также появление баз и структур НАТО в Грузии, Молдавии и на Украине, то можно сказать, что мы имеем дело с третьей волной расширения Альянса, причем расширения не политического, как это было в конце 90-х – начале 2000-х годов, а военного, с разработкой оперативных планов и сценариев потенциального столкновения с Россией и проведением большого числа военных учений для их практической отработки. Что примечательно, размещение военной инфраструктуры в Центральной и Восточной Европе осуществляется с таким расчетом, чтобы обеспечить вовлечение как можно большего числа стран НАТО в потенциальный конфликт с Россией, что автоматически поднимает политические ставки любого локального военного столкновения в проблемных зонах.

В-третьих, это возрастание числа опасных военных инцидентов в районах соприкосновения российских войск и подразделений стран Запада, большинство

из которых получают немалую медийную огласку [7]. Таким образом западные общества приучают к атмосфере опасности, где в каждый момент может произойти столкновение с вооруженными силами РФ. Это еще не полноценная военная истерия, как было в отдельные моменты холодной войны, но значительная милитаризация информационного потока и общественного сознания и, как следствие, милитаризация политического дискурса многих западных стран.

В-четвертых, это эрозия и демонтаж оставшихся компонентов системы контроля за вооружениями, сформированной в годы холодной войны. Возможность отделить военное противостояние от других сфер взаимодействия, вынести его в отдельную плоскость и ограничить определенными формально закрепленными нормами в новом контексте теряет свою релевантность. Если несколько десятилетий назад можно было вести речь о фиксации военно-политического баланса с тем, чтобы частично демилитаризовать функциональные сферы взаимодействия и даже наладить в них определенное сотрудничество, то сейчас происходит обратный процесс — милитаризация всего спектра взаимодействий, даже на сугубо общественном уровне, при открытом нарушении военно-политического баланса, игнорировать который уже не получится.

Кумулятивным эффектом данных проявлений милитаризации можно назвать постепенную горизонтальную эскалацию напряженности вокруг РФ — создание или активацию множества потенциальных очагов конфликтов или районов столкновения, каждый из которых представляет собой локальную или максимум региональную проблему для России, но одновременное «возгорание» которых может стать угрозой национального масштаба.

Для внешней политики России подобное положение дел несет довольно серьезные последствия, поскольку в немалой мере снижает эффективность ее традиционных средств и приемов. Военная сила занимает особое место в их ряду. Прежде всего, она позволяет РФ выступать в роли контрибутора, «поставщика» безопасности, особенно в отношении проблемных регионов с низкой степенью управляемости, а также в отношении борьбы с глобальными вызовами, такими как международный терроризм и наркотрафик. Но, кроме этого, военная сила представляет собой важный рычаг влияния на международных партнеров России, с помощью которого она пытается доказать им, что решение тех или иных проблем невозможно без учета позиции Российской Федерации и конструктивного диалога с ней. Собственно, применение военной силы для РФ было и остается подчиненным политической задаче стимулирования западных партнеров к конструктивному взаимодействию и равноправным переговорам [4].

В отдельных случаях подобная тактика еще приносит некоторые плоды, как это происходит на примере операции вооруженных сил РФ в Сирии, однако даже там ее эффективность сейчас намного ниже, чем можно было рассчитывать. Вместо ожидаемого формирования общей антитеррористической коалиции максимум достигнутого пока что — минимальная военная координация и локальное взаимодействие. Но в целом соотношение потенциальных преимуществ, рисков и затрат делает подобную тактику все менее выигршной и более проблематичной.

Милитаризация политики Запада сужает России поле для маневра и затрудняет использование односторонних рискованных схем для поднятия политических ставок и балансирования на грани кризиса. При этом потенциал милитаризации Запада далеко не исчерпан, тогда как Российская Федерация практически достигла предела относительно некритичного, с точки зрения политических и практических затрат, задействования военной силы вне своих границ.

Наибольшей проблемой, обусловленной милитаризацией международной среды, для РФ является невозможность добиться однозначной фиксации статус-кво в своем непосредственном окружении. Минские соглашения позволили снять медийную остроту конфликта в Донбассе, но они не дают никаких формальных гарантий относительно сохранения даже нынешнего, и без того существенно измененного по сравнению с 2013 годом, военно-политического баланса в Европе. В настоящее время в рамках внешнеполитической тактики у России практически нет рычагов, позволяющих добиться его фиксации.

Таким образом, нынешний виток милитаризации международной среды является прямым следствием повышения конфликтогенности международной системы и проекции конфликтной логики сначала на функциональные сферы взаимодействия, а затем и на военно-политическую плоскость. Его непосредственные проявления включают активизацию ряда внутренних и международных конфликтов, продвижение военной инфраструктуры, милитаризацию политической риторики государств и эрозию существующего режима контроля над вооружениями. Для внешней политики России дальнейшая милитаризация международной среды несет в себе риск снижения эффективности ее традиционного внешнеполитического инструментария, который во многом опирается на возможность применения военной силы, в том числе для стимулирования внешних партнеров к конструктивному взаимодействию и равноправному диалогу.

Литература

1. *Крамник И.* Все очень плохо. Почему новая холодная война опаснее старой // Лента.ру. 2016. 22 августа. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/08/22/notgood/> (дата обращения: 04.11.2017).
2. *Фененко А.* Реальность и мифы «мягкой силы» // Российский совет по международным делам. 2016. 27 января. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoj-sily/> (дата обращения: 04.11.2017).
3. *Цыбаков Д.Л., Мусеев В.В.* Милитаризм в мировой политике: трансформации постбиполярной эпохи // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. Вып. 6. С. 162–170.
4. *Чаран С.* Использование Россией военной силы в качестве внешнеполитического инструмента: есть ли логика? // PONARS Евразия. 2016. № 443. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepr443_rus_Charap_Oct2016.pdf (дата обращения: 04.11.2017).
5. *Шерр Дж.* Жесткая дипломатия и мягкое принуждение: российское влияние за рубежом: пер. с англ. / Королевский институт международных отношений Chatham House, Центр Разумкова. Киев: Заповіт, 2013. 152 с.

6. *Burki Sh.J.* Rising Powers and Global Governance. Changes and Challenges for the World's Nations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. P. 87–104. (Chapter 5: Russia: A Revanchist State).

7. *Galeotti M.* Heavy metal diplomacy: Russia's political use of its military in Europe since 2014 // ECFR Policy Brief. 2016. No. 200 12 p. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/Heavy_Metal_Diplomacy_Final_2.pdf (дата обращения: 04.11.2017).

8. *Galeotti M.* Hybrid war or gibrnidnaya voina? Getting Russia's non-linear military challenge right. Mayak Intelligence, 2016. 100 p.

9. *Ikenberry J.* Liberal leviathan: the origins, crisis, and transformation of the American world order. Princeton: Princeton University Press, 2011. 393 p.

10. *Kuchins A., Gomart Th.* EU-Russia Relations. Toward a Way Out of Depression // CSIS Report. 2008. 1 July. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/080701-gomart-eu-russia.pdf (дата обращения: 04.11.2017).

11. *Liik K.* What does Russia want? // ECFR Commentary. 2017. 26 May. URL: http://www.ecfr.eu/article/commentary_what_does_russia_want_7297 (дата обращения: 04.11.2017).

12. *Popescu N., Wilson A.* The limits of enlargement-lite: European and Russian power in the troubled neighbourhood, European Council on Foreign Relations, June 2009. URL: http://ecfr.eu/page/-/ECFR14_The_Limits_of_Enlargement-Lite_European_and_Russian_Power_in_the_Troubled_Neighbourhood.pdf (дата обращения: 04.11.2017).

13. *Sakwa R.* Russia and Europe: Whose Society? // Journal of European Integration. 2011. Vol. 33. № 2. P. 197–214.

Literatura

1. *Kramnik I.* Vse ochen' ploxo. Pochemu novaya xolodnaya vojna opasnee staroj // Lenta.ru. 2016. 22 avgusta. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/08/22/notgood/> (data obrashheniya: 04.11.2017).

2. *Fenenko A.* Real'nost' i mify' «myagkoj sily'» // Rossijskij sovet po mezhdunarodny'm delam. 2016. 27 yanvarya. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/realnost-i-mify-myagkoj-sily/> (data obrashheniya: 04.11.2017).

3. *Cy'bakov D.L., Moiseev V.V.* Militarizm v mirovoj politike: transformacii post-bipolyarnoj e'poxi // Srednerusskij vestnik obshhestvenny'x nauk. 2016. T. 11. Vy'p. 6. S. 162–170.

4. *Charap S.* Ispol'zovaniya Rossiei voennoj sily' v kachestve vneshnepoliticheskogo instrumenta: est' li logika? // PONARS Evraziya. 2016. № 443. URL: http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Pepr443_rus_Charap_Oct2016.pdf (data obrashheniya: 04.11.2017).

5. *Sherr Dzh.* Zhestkaya diplomatiya i myagkoe prinuzhdenie: rossijskoe vliyanie za rubezhom: per. s angl. / Korolevskij institut mezhdunarodny'x otnoshenij Chatham House, Centr Razumkova. Kiev: Zapovit, 2013. 152 s.

6. *Burki Sh.J.* Rising Powers and Global Governance. Changes and Challenges for the World's Nations. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2017. P. 87–104. (Chapter 5: Russia: A Revanchist State).

7. *Galeotti M.* Heavy metal diplomacy: Russia's political use of its military in Europe since 2014 // ECFR Policy Brief. 2016. No. 200 12 p. URL: http://www.ecfr.eu/page/-/Heavy_Metal_Diplomacy_Final_2.pdf (data obrashheniya: 04.11.2017).

8. *Galeotti M.* Hybrid war or gibridnaya voina? Getting Russia's non-linear military challenge right. *Mayak Intelligence*, 2016. 100 p.
9. *Ikenberry J.* Liberal leviathan: the origins, crisis, and transformation of the American world order. Princeton: Princeton University Press, 2011. 393 p.
10. *Kuchins A., Gomart Th.* EU-Russia Relations. Toward a Way Out of Depression // CSIS Report. 2008. 1 July. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/legacy_files/files/media/csis/pubs/080701-gomart-eu-russia.pdf (data obrashheniya: 04.11.2017).
11. *Liik K.* What does Russia want? // *ECFR Commentary*. 2017. 26 May. URL: http://www.ecfr.eu/article/commentary_what_does_russia_want_7297 (data obrashheniya: 04.11.2017).
12. *Popescu N., Wilson A.* The limits of enlargement-lite: European and Russian power in the troubled neighbourhood, European Council on Foreign Relations, June 2009. URL: http://ecfr.eu/page/-/ECFR14_The_Limits_of_Enlargement-Lite_European_and_Russian_Power_in_the_Troubled_Neighbourhood.pdf (data obrashheniya: 04.11.2017).
13. *Sakwa R.* Russia and Europe: Whose Society? // *Journal of European Integration*. 2011. Vol. 33. № 2. P. 197–214.

*M.I. Lavitskaya,
T.A. Kulakova*

The Militarization of the International Environment after the Ukrainian Crisis and its Consequences for Foreign Policy of Russia

The article reveals an instrumental vision of the militarization of the international environment after the Ukrainian crisis and its consequences for foreign policy of Russia, substantiates the methodological difference between instrumental and absolute approaches to the role of the militarization process in international politics. The authors concluded that the current turn of militarization of the international environment is a direct consequence of the increased conflict of the international system and the projection of conflict logic first on the functional areas of interaction, and then on the military and political area, which carries the risk of reducing the effectiveness of traditional foreign policy tools for Russia.

Keywords: militarization; absolute approach; instrumental approach; international relationships; Russian foreign policy; Ukrainian crisis.